

ЗВЁЗДНЫЙ ПАРУС

ТОМ 2

АВТОР: TIN

Tin Tin

Звездный парус. Том 2

<https://litres.ru/74669823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олег Георгиевич Зимовьев прожил долгую жизнь.

Ветеран войны. Инженер. Человек, привыкший чинить всё, что ещё можно спасти.

Он умер в своей квартире в глубокой старости.

А затем проснулся.

Не в больнице.

Не на том свете.

На борту древнего стратегического дредноута, дрейфующего в космосе уже сотни тысяч лет.

«Звёздный парус» — научно-фантастический роман о древнем дредноуте, забытом в пустоте, о человеке из прошлого Земли и о цивилизации, от которой человечеству осталось гораздо больше, чем кажется.

Содержание

Глава 1. Жизнь в пустоте.	4
Глава 2. В путь.	21
Глава 3. Я дома?	38
Глава 4. И что же тут произошло?	54
Глава 5. Для тех, кто найдет...	75
Глава 6. По ту сторону галактики.	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Tin Tin

Звездный парус. Том 2

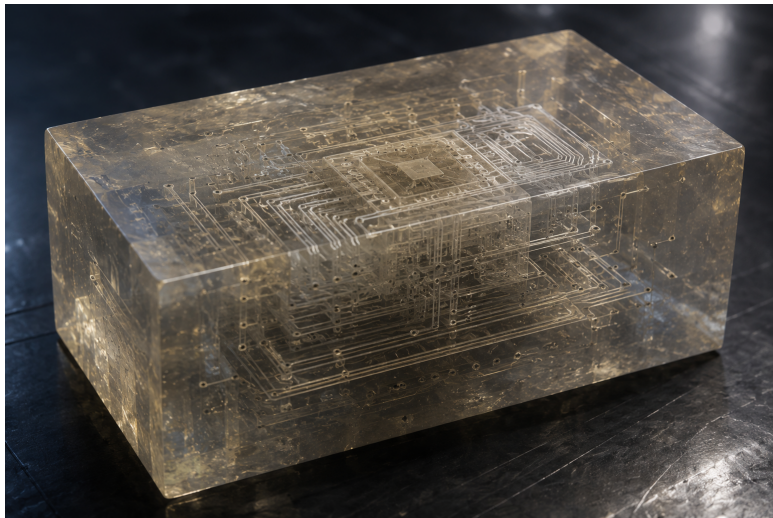
Глава 1. Жизнь в пустоте.

В пустоте, на необъятных просторах вселенной, дрейфовало корабельное... кладбище? Нет, то что там творилось было чем угодно, но уже точно не кладбищем. Это скорее напоминало какой-то улей, размазанный по огромному пространству. Постоянно виднелись вспышки то от сварки, то от резки. Туда сюда сновали стайками и по отдельности ремонтные дроны, словно мошкара. Где-то в центре всего этого висел гигантский по своим габаритам корабль и внутри него разгорался жаркий спор.

— Не пуцу! Только через мой кристаллический труп!

ИскИны Джора представляли собой искусственно выращенный в лабораторных условиях мутноватый полупрозрачный кристалл из крайне редкого во вселенной минерала. С помощью нанолазера, послойно, прожигалась внутренняя структура. Чем-то это напоминало многослойную печатную плату, если смотреть под мощнейшим микроскопом.

(Примерно так, только в миллионы раз больше элементов. Размер - Ила примерно 30 кубометров, или примерно размер грузовичка)

— Да за чем мне твои абордажные дроиды в отпуске! Ила, у меня кораблик 20 метров а не 200! Где мне их размещать?! Мне что прикажешь с "бастионом" в обнимку спать, а его башенным щитом вместо одеяла укрываться!

Абордажные дроиды представляли собой все те же штурмовые доспехи, только без оператора внутри. Его заменял ИскИн. Это было сделано из-за архов. Раньше использовали более эффективные модели на подобие пауков, скорпионов и так далее. Но архи быстро научились отличать живых абордажников от дроидов и выбивали их в первую очередь. В связи с этим стали делать гуманоидных дроидов, максимально похожих на остальных абордажников. Пожертвова-

ли долей эффективности с целью маскировки и сохранения экипажа.

— В мед капсуле будешь спать. Обучение никто не отменял!

— Возьму одного "Жало", и то, только чтобы тебя успокоить:- проворчал Олег.

— Десять! Пять "Бастионов" и пять "Жал". Друг на друга в уголке в кают компании их сложим. Много места не займут.

— Женщина, не доводи до греха! - Снова начал заводить-ся Олег.

— До какого?! Может гордыня? Будешь гордиться своим ослиным упрямством? Или чревоугодие, пойдешь сейчас грабить пищевой синтезатор?!

— Ила, я ведь и приказать могу!

— Ах так! Тогда я верну синтетический голос и буду с тобой разговаривать исключительно как положено искину! Олеж, ну пойми. Я же о тебе беспокоюсь. А вдруг что-то случится? Вдруг там архи, или ваши спецслужбы тебя обнаружат?

— Ты вот откуда этого понабралась? Не получилось так, попробуем по другому? Ох уж эти ваши женские штучки. Будто снова женился!

— Я лучше за пылесос замуж выйду! За него хоть переживать не придется! Будет спокойно ездить туда сюда и чистоту наводить!

— Два! Возьму двоих и хватит!

— Хотя бы шестерых. Что двое смогут? Даже коробочку не организуешь!

— Вооот! Нормальная коробочка это четыре и точка!

— Ну хотя бы четыре...

На этом спор затих и каждый молчал о своем. Олег снова ушел в инженерный планшет, продолжая корпеть над проектом корвета, который пришлось серьёзно переделывать. Он бурчал, что в кают компании ему эти жестянки не нужны и придется добавлять абордажную секцию.

Ила продолжила принимать отчеты и следить за ходом ремонта флота.

С моменты расконсервации прошло пару месяцев.

Корвет флота считался полноценной боевой единицей.

А значит — его капитан обязан был понимать корабль целиком.

За это время Олег успел полностью пройти базы пилота малых кораблей, отработать их внутри тренажёров виртуальной реальности и сдать практические экзамены по управлению кораблём в боевых условиях. Виртуальные симуляции снова оказались на уровне, который поначалу вызывал у него почти физическое ощущение нереальности происходящего.

Перехваты.

Манёвры.

Уклонение от огня.

Выходы из гипера.

Повреждения систем.

Разгерметизация отсеков.

Аварийные посадки.

Иногда ему приходилось управлять корветом практически вручную, удерживая корабль на остатках тяги после повреждения маршевых двигателей. Иногда — выводить корабль из-под удара во время перегрузки щитов. Иногда — наоборот вести бой, одновременно распределяя энергию между оружием, манёвровыми системами и защитой. Капитан малого корабля обязан быть и пилотом, в случае его недееспособности.

После этого началась навигация.

Именно тогда Олег по-настоящему понял, насколько безумной задачей являлся гиперпереход даже для малых кораблей. Расчёт маршрутов, гравитационные карты, звёздные массы, нестабильные зоны пространства, корректировка векторов выхода — всё это оказалось значительно сложнее обычного пилотирования.

— А если экипаж вообще один? - Спросил Олег, некоторое время назад, только приступая к изучению пилотирования.

На этот раз Ила ответила:

— В условиях кадрового дефицита подобные случаи допускались.

Олег приподнял бровь.

— То есть я всё-таки смогу летать один.

— Да.

На внутренней схеме корвета почти сразу начали подсвечиваться отдельные контуры управления.

— В этом случае часть функций экипажа берёт на себя бортовой ИскИн корабля. Возможны режимы:

автоматической навигации,
автоматической стабилизации,
частичного боевого сопровождения,
и поддержки пилотирования.

Инженерные базы уже давно перестали быть для него чем-то чужим. Теперь большая часть технических процессов воспринималась почти естественно. Он спокойно работал с энергетическими схемами, управлял инженерными платформами, проектировал адаптеры и стабилизирующие контуры, координировал ремонтные группы и всё чаще ловил себя на том, что начинает мыслить категориями не отдельного ремонта, а состояния корабля в целом.

Работа над корветом постепенно превратилась для Олега в отдельную историю внутри всей этой бесконечной эпопеи восстановления флота.

За прошедшие месяцы ремонтные комплексы «Арбитра» успели вытащить корабль из полуразрушенного состояния. Для корвета нашли рабочий реакторный блок малого класса, натащили с кладбища флота уцелевшие энергетические ячейки и постепенно восстановили большую часть внутренних систем.

На фоне реакторного комплекса дредноута всё это выглядело почти смешно.

Если на «Арбитре» счёт шёл на сотни реакторных ячеек, то корвету хватало всего десяти. Да и сами ячейки были в разы меньше — примерно с обычную полулитровую банку. Но даже этого для малого разведывательного корабля оказывалось более чем достаточно.

Маршевые двигатели тоже пришлось менять почти полностью.

Из четырёх штатных секций уцелела только одна. Остальные были уничтожены ещё во время сражения. Новые двигатели постепенно собирали буквально по кускам из запасов флота, ремонтных секций и деталей, найденных на других кораблях кладбища.

И чем дальше продвигалось восстановление, тем сильнее Олегу начинал не нравиться сам внешний вид корвета.

Слишком угловатый.

Слишком грубый.

Слишком... джорианский.

Однажды он довольно долго рассматривал старую проектную модель корабля, вращающуюся над инженерным столом, а потом задумчиво спросил:

— Ила, а у вас вообще что-нибудь про рикошеты слышали?

Несколько секунд ИскИн молчала.

— Уточни.

Олег ткнул пальцем в угловатый корпус корвета.

— Вот это всё.

Он провёл рукой вдоль схемы.

— Плоские поверхности. Острые грани. Углы. Красиво — не спорю. Но мне не нравится.

Ила некоторое время анализировала модель корабля.

— Конструкция оптимизирована под размещение систем маскировки, внутренних модулей и распределение нагрузки корпуса.

Олег хмыкнул.

— Ну а я хочу сделать её более обтекаемой.

Пауза.

Потом Ила совершенно спокойно ответила:

— Это твой проект, Олег.

После этого переделка началась уже всерьёз.

Олег практически полностью перепроектировал внешнюю геометрию корвета. Корпус постепенно становился более плавным. Острые рубленые грани исчезали. Появлялись сглаженные переходы брони, изменённые секции корпуса и новые формы силового каркаса.

Вооружение при этом он сознательно урезал почти до минимума.

После всех разговоров об энергетике и прожорливости оружия Джора Олег окончательно решил, что разведывательный корабль должен быть прежде всего живучим и незаметным.

Максимум энергии теперь уходил:
на систему маскировки,
на маршевые двигатели,
на манёвровые контуры,
и на щиты.

Вооружение оставалось скорее вынужденной необходимостью.

Минимум пушек.

Минимум энергетических потерь.

Максимум автономности.

Олег тогда прямо сказал Иле:

— Если меня заметили — значит, я уже где-то ошибся.

Ила, к его удивлению, спорить не стала. Постепенно корвет начинал выглядеть совсем иначе. Не как маленький линкор. Не как уменьшенная версия тяжёлых кораблей Джора. А как настоящий дальний разведчик. Быстрый. Тихий. Опасный ровно настолько, насколько нужно, чтобы выжить.

И всё чаще, проходя мимо инженерных экранов с новой моделью корабля, Олег ловил себя на странном ощущении.

Работа над корветом постепенно затягивала Олега всё сильнее. Сначала он воспринимал корабль просто как очередную задачу — сложную, масштабную, но всё-таки обычную инженерную работу. Повреждённый корпус, мёртвые системы, разгерметизированные секции, выгоревшие магистрали и бесконечные списки неисправностей. Но чем дальше продвигалось восстановление, тем чаще Олег ловил се-

бя на странном ощущении: он уже не просто ремонтировал чужой корабль флота Джора. Он медленно переделывал его под себя.

Особенно это стало заметно после того, как он почти полностью изменил внешний силуэт корвета. Старый джорианский корпус с его угловатыми линиями и рублеными формами постепенно исчезал. Теперь корабль выглядел иначе — более плавным, вытянутым и хищным. Нос стал уже и длиннее, боковые плоскости системы маскировки аккуратно уходили назад вдоль корпуса, а двигательные секции Олег вообще перепроектировал почти заново, стараясь максимально утопить дюзы внутрь корпуса и сделать силуэт менее заметным.

Однажды он довольно долго стоял в инженерном секторе перед медленно вращающейся проекцией обновлённого корабля и сам не мог понять, что именно его цепляет. Что-то казалось очень знакомым. Настолько знакомым, что внутри памяти словно постоянно крутилась какая-то забытая ассоциация, но ухватить её сразу не получалось. Олег обошёл проекцию кругом, снова посмотрел на вытянутый нос, на короткие боковые плоскости, на характерный силуэт корпуса — и вдруг замер.

Перед глазами почти сразу всплыло совсем другое изображение. Старые фотографии. Заснеженный аэродром. Невысокий, немного нелепый самолёт с круглым капотом двигателя и коротким фюзеляжем. И-16.

Несколько секунд Олег просто молча смотрел на проекцию корвета. Потом тихо усмехнулся себе под нос.

— Да ну не может быть...

Голос Илы спокойно прозвучал под потолком инженерного сектора:

— Что-то вспомнил?

Олег медленно кивнул.

— Ага... вот теперь понял.

Он ещё раз внимательно посмотрел на корабль, и чем дольше смотрел, тем сильнее ощущалось это странное сходство. Не буквальное, конечно. Корвет Джора всё равно оставался космическим кораблём, а не самолётом времён войны. Но само ощущение было очень похожим. Небольшая, упрямая, быстрая машина, которую изначально никто не воспринимает всерьёз, а потом внезапно выясняется, что она способна очень неприятно удивить.

Олег тихо хмыкнул.

— Ну здравствуй, старичок...

Несколько секунд Ила молчала, анализируя его реакцию. Потом спокойно спросила:

— Название корабля изменено?

Олег ещё раз посмотрел на проекцию корвета, после чего медленно ответил:

— Да.

На внутренней схеме корабля мигнула строка идентификации. Олег некоторое время молчал, а потом всё-таки про-

изнёс:

— И-16.

Ила почти сразу уточнила:

— Почему ты его так назвал?

Олег усмехнулся краем губ и задумчиво провёл ладонью по проекции корпуса.

— Был когда-то такой самолёт. Маленький. Страшно неудобный. Кривой местами. Но живучий как зараза.

После короткой паузы Ила спокойно сообщила:

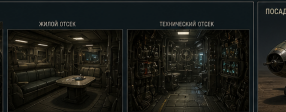
— Новое имя корвета зафиксировано.

И почему-то именно после этого Олегу вдруг стало значительно спокойнее смотреть на корабль перед собой. Теперь это уже был не безымянный разведчик флота Джора и не просто очередной инженерный проект. Теперь это действительно был его корабль. Он даже покрасил его в зеленый и звезды нарисовал.

(Только не автопушка, а плазменная пушка. И турель плазменная)

И-16К

Легкий металлопластовый корсет, построенный на базе переработанного корпуса исторического истребителя И-16. Предназначен для разгрузки, полутирирования, оказания спасательных операций и доставки наборов грузов в условиях ограниченных ресурсов. Отличается высокой маневренностью, прочным корпусом, легкой обслуживанию.

Вид сверху

Вид спереди

Вид сбоку

18,7 м

9,6 м

18,7 м

8,2 м

Длина: 18,7 м
Ширину: 18,7 м
Высота: 6,2 м
Экипаж: 1-3 человека
Грузоподъемность: до 25 т
Восприятие:
• 2х носовые аппаратуры
• 2х боковые турели (дальнострел/лазмер)
• 1х верхняя турель (стартовая пушка)
Скорость (субмарин): до 600 м/с
Дальность хода (субмарин): до 3,8 млн км
Автономность: до 45 суток
Гидрогидролок: ммелет (класс 2, до 15 км. лет)
Назначение: разведка, патрулирование,
поиск, доставка, поддержка

- #1 Носовый модуль (конус, воздухозаборник)
- #2 Жилой модуль (экипаж, системы жизнеобеспечения)
- #3 Топливный модуль (двигатели, системы)
- #4 Грузовой отсек / деп. топлива
- #5 Докальный модуль

- Зв. моторный двигатель
- Зв. моторный двигатель
- Резервный реактор
- Зв. моторный: 1,2 ТВт

A large, multi-engine military transport aircraft, likely a C-54, is shown from a front-three-quarter view. It has a high-wing configuration, multiple engines, and a large fuselage with many windows. It is parked on a dark, flat surface, possibly a tarmac or runway, under a dark sky.

Сначала это выглядело почти хаотично. Где-то среди обломков медленно включались аварийные огни. Где-то начинали двигаться ремонтные платформы. Где-то через пробоины в корпусах снова пробегали слабые полосы внутреннего освещения. Постепенно мёртвое поле разбитых кораблей всё больше начинало напоминать не кладбище, а гигантскую ремонтную верфь, размазанную по космосу.

Повреждённые корабли обследовали сотни ремонтных дроидов. Те суда, которые не подлежали восстановлению даже теоретически, разбирались на ресурс практически полно-

стью. С них снимали уцелевшие модули, маршевые секции, силовые магистрали, системы стабилизации, броневые элементы и всё, что ещё могло пригодиться для ремонта остальных кораблей флота.

Отдельно работали группы поиска уцелевших ИскИнов.

Если ядро Искина оставалось целым, его аккуратно извлекали из корабля и перевозили на «Арбитр». Они спустя тысячелетия снова выходили на связь, постепенно приходя в себя после запуска резервного питания.

За это время удалось вернуть к жизни ещё несколько кораблей флота.

Не полностью.

Не до идеального состояния.

Но достаточно, чтобы они снова начали функционировать как самостоятельные боевые единицы.

Именно тогда Олег окончательно отказался от идеи пытаться восстановить хотя бы один корабль “до идеала”.

После первых расчётов по энергетике он довольно быстро понял, что это тупик. Реакторных ячеек катастрофически не хватало. Полноценное восстановление одного тяжёлого корабля с выходом на максимальную мощность означало бы, что остальные суда флота так и останутся мёртвыми.

Поэтому он принял другое решение.

Все найденные реакторные ячейки теперь распределялись между кораблями максимально равномерно. Основной задачей стало не достижение пиковой мощности, а восстано-

ние минимальной устойчивой работоспособности флота.

Олег тогда прямо сказал Иле:

— Лучше три корабля с тридцатью процентами реактора, чем один со ста.

Ила некоторое время анализировала новую схему распределения энергии.

А потом неожиданно согласилась.

Логика действительно работала.

Даже тридцать процентов мощности позволяли:

поддерживать щиты,

обеспечивать движение,

использовать часть вооружения,

и главное — поддерживать жизнь корабля.

Постепенно вокруг «Арбитра» начинал формироваться пусть и потрёпанный, но снова живой флот.

Олег всё ещё не отказался от своей идеи перевооружения. Наоборот — чем больше он изучал старые боевые доктрины Джора, тем сильнее убеждался, что энергетическое оружие флота действительно было слишком прожорливым в нынешних реалиях энергетического дефицита.

Поэтому теперь он всё чаще смотрел на оживающие корабли не только как на восстановленные боевые единицы.

А как на будущие платформы для экспериментов.

Но все эти разговоры о перевооружении флота, новых концепциях оружия и восстановлении тяжёлых кораблей постепенно отходили для Олега на второй план.

Не потому, что он перестал об этом думать.

А потому, что за несколько лет непрерывной работы внутри дредноута он банально устал.

Даже сам Олег это признал далеко не сразу.

Сначала казалось, что всё нормально. Работа идёт. Корабль оживает. Флот постепенно поднимается с мёртвого кладбища. Реакторные секции стабилизируются. Производственные комплексы запускаются один за другим. Обучение движется вперёд.

Но в какой-то момент он вдруг поймал себя на странной мысли.

Он уже несколько лет не видел ничего, кроме:

металла,

коридоров,

экранов,

сервисных шахт,

и звёзд за обзорными панелями.

Именно поэтому всё больше внимания начало смещаться к корвету.

К И-16.

И чем ближе становился момент первого полёта, тем сильнее Олегу хотелось просто улететь хоть куда-нибудь.

Пусть ненадолго.

Пусть всего на пару недель.

Но увидеть что-то кроме внутренностей дредноута.

Поэтому, несмотря на всю работу по флоту, обучение то-

же продолжалось.

В итоге Олег довольно быстро понял, что для управления И-16 ему, по сути, осталось закрыть только последний этап подготовки — полноценную навигацию и флотский экзамен на получение допуска капитана малого корабля.

И именно тогда он впервые совершенно серьёзно сказал Иле:

— Всё. Как только закончим экзамены — сначала отпуск.

Несколько секунд ИскИн молчала.

А потом спокойно спросила:

— И только потом возвращение к восстановлению флота?

Олег тихо хмыкнул.

— Ила... я уже несколько лет живу внутри шестикилометрового железного гроба.

Он устало потёр шею ладонью.

— Сначала отпуск.

Глава 2. В путь.

Доковый сектор «Арбитра» медленно оживал вокруг корвета.

Где-то в глубине ремонтных платформ продолжали работать инженерные дроиды. Под потолком тянулись потоки сервисных дронов. Вдоль магистралей ползли ремонтные платформы. Огромный дредноут уже давно перестал быть мёртвым кораблём. Теперь он снова напоминал гигантский промышленный организм, который медленно возвращается к жизни после очень долгой болезни.

А в центре одного из доков стоял И-16.

Полностью восстановленный.

Олег молча рассматривал корабль, медленно обходя его по кругу. За последние месяцы он настолько привык видеть корвет разобранным, вскрытым и наполовину собранным, что сейчас целый корпус выглядел почти непривычно. Плавные линии новой обшивки мягко уходили назад к двигательным секциям. Система маскировки почти полностью скрывала внешние контуры вооружения. Даже стоящий без движения корабль уже выглядел быстрым.

И самое странное — он действительно всё больше напоминал самолёт.

Не буквально.

Но ощущением.

Компактная, упрямая, быстрая машина, которую хочется не просто пилотировать, а именно вести руками.

Обучение к этому моменту тоже было завершено. Все необходимые отметки уже давно появились на нейросети. Пилотирование малого корабля. Навигация. Работа с гиперпространственными маршрутами. Аварийные режимы. Флотские протоколы. Экзамен виртуальной реальности Олег сдал ещё две недели назад.

Теперь он официально имел право управления корветом класса разведчик.

Формально — капитан малого корабля флота Джора.

Самого Олега это до сих пор слегка веселило.

Особенно если вспомнить, что ещё несколько лет назад он был обычным пенсионером, ковырявшим старые электродвигатели в гараже.

Сейчас же он стоял посреди шестикилометрового дредноута и собирался лететь через космос на собственном разведывательном корвете.

Жизнь определённо умела удивлять.

Финальные проверки систем шли уже несколько часов подряд. Инженерные дройды медленно перемещались вокруг корабля, перепроверяя контуры питания, маршевые двигатели, систему маскировки, работу щитов и внутренние магистрали. Четыре абордажных дройда два «Бастиона» и два «Жало» уже находились внутри корабля в транспортных фиксаторах.

Ила всё-таки продавила своё.

Правда, только наполовину.

Олег до сих пор был уверен, что четыре абордажных дроида для отпуска — это уже перебор.

Но спорить дальше сил у него не осталось ещё неделю назад.

Кроме этого, в грузовом отсеке уже лежали:
ретрансляторы дальней связи,
комплекты автономного питания,
инженерные модули,
полевые дроны,
и два маленьких диверсионных паука размером чуть больше ладони.

Последних Ила вручила ему отдельно.

На всякий случай.

Если удастся подключиться к земным сетям связи.

Или к любой другой информационной инфраструктуре.

Или просто понадобится незаметный удалённый доступ куда-нибудь, куда человеку лезть не стоит.

Сами пауки выглядели почти безобидно. Тонкие металлические лапки. Матовый чёрный корпус. Маленькие сенсорные линзы. Но Олег уже достаточно хорошо знал технологии Джора, чтобы понимать:

если Ила говорит «диверсионный дроид», значит лучше вообще не спрашивать, что конкретно эта маленькая дрянь умеет делать.

Отдельно в кают компании стоял пищевой синтезатор.

Не корабельный стационарный комплекс, а полноценная автономная походная модель малого класса.

Именно его Олег лично проверял особенно тщательно.

Потому что отпуск отпуском, а без нормальной еды он лететь категорически отказывался.

Рядом уже лежали: термостюм, планетарный скаф, полевое снаряжение, рыболовные снасти, бур для зимней рыбалки, которые он напечатал сам, стульчик, ведро для улова, шезлонг, пляжный зонт, еще много всякой необходимой мелочевки на подобие солнцезащитных очков, простой одежды,

и лыжи.

Настоящие лыжи.

С палками.

Когда Ила впервые увидела их в очереди на печать в производственном секторе, она пыталась понять, зачем человеку два длинных узких куска пластокомпозита.

А Олег только проворчал, что «нормальный отпуск без лыж — это не отпуск».

Сейчас он стоял возле корабля, сунув руки в карманы инженерного комбинезона, и молча смотрел на И-16.

Пожалуй, впервые за всё время после пробуждения на «Арбитре» он чувствовал не усталость.

И не работу.

А настоящее ожидание дороги.

Олег сидел в кресле пилота и молча смотрел на обзорные экраны рубки.

Все проверки уже были завершены.

Маршевые двигатели — норма.

Щиты — норма.

Маскировка — активна.

Навигационные системы — синхронизированы.

Гипердвигатель — готов к работе.

Маршрут тоже был окончательно построен ещё несколько часов назад. В обычной ситуации И-16 вполне мог добраться до Солнечной системы одним длинным гиперпереходом. Но тогда связь с «Арбитром» почти сразу бы исчезла. Поэтому было принято другое решение.

Три прыжка.

Три промежуточные точки.

И в каждой — установка пакета ретрансляторов дальней связи.

Шесть автоматических узлов на сектор.

После развёртывания первого пакета Ила уже сможет поддерживать стабильный канал связи.

Сейчас контейнеры с ретрансляторами спокойно лежали в грузовом отсеке И-16 рядом с инженерным оборудованием, запасными модулями и походным снаряжением Олега.

В рубке стояла тихая полутьма. Только мягко светились приборные панели и медленно двигались строки диагности-

ческих отчётов. Где-то глубоко внутри корпуса едва слышно работали системы жизнеобеспечения.

А впереди уже медленно расходились гигантские створки ремонтного дока.

За ними лежал космос.

Абсолютно чёрный.

Беззвучный.

Бесконечный.

Корвет мягко дрогнул. Гравитационные захваты начали медленно тянуть И-16 вперёд по направляющим докового комплекса. Огромный ангар «Арбитра» медленно поплыл назад.

Олег некоторое время молча наблюдал за этим движением.

Странное ощущение.

За последние годы дредноут успел стать чем-то привычным. Огромным. Сложным. Иногда раздражающим. Но всё-таки — домом.

И сейчас он впервые по-настоящему улета́л от него.

Голос Илы прозвучал в рубке уже привычным мягким тембром:

— Канал дальней связи активен. Навигационные пакеты подтверждены. Первый сектор установки ретрансляторов будет достигнут через двадцать семь минут после выхода из докового пространства. И Олеж... Будь осторожней.

Олег коротко кивнул.

— Принял. Не волнуйся, я не на долго. Пару недель.

Несколько секунд они молчали. Потом Ила всё-таки добавила заметно тише:

— Я буду на связи.

Олег невольно усмехнулся.

— Да знаю я.

Корвет продолжал медленно двигаться вперёд. Огромные ворота дока становились всё ближе. За ними уже начиналась настоящая пустота космоса.

Олег устроился в кресле поудобнее, положил руки на подлокотники управления и ещё раз бросил взгляд на обзорный экран.

Где-то далеко за кормой медленно висел «Арбитр».

Шестикилометровый белый гигант.

Мёртвый корабль, который они вместе упрямо вытаскивали обратно к жизни уже несколько лет подряд.

Олег некоторое время молча смотрел на него.

Потом тихо выдохнул:

— Ну что, Ила...

Он чуть улыбнулся.

— Поехали отдыхать.

Олег сразу перевёл часть изображения на внешние камеры и некоторое время просто молча наблюдал, как И-16 медленно удаляется от огромного дредноута. Даже сейчас, спустя годы жизни внутри «Арбитра», размеры корабля всё ещё воспринимались неправильно. Шестикилометровый белый

гигант занимал собой почти половину обзорного экрана.

Но теперь Олег заметил и другое.

Пространство вокруг дредноута изменилось.

Когда он только появился здесь, кладбище флота выглядело хаотичным нагромождением мёртвых кораблей и бесконечного мусора. Сейчас всё было иначе. Нет, обломков по-прежнему оставалось чудовищно много. Огромные секции разрушенных корпусов всё так же медленно дрейфовали в пустоте. Где-то висели расколотые крейсера. Где-то — целые поля искорёженного металла.

Но непосредственно вокруг «Арбитра» пространство стало заметно чище.

Мелкие обломки исчезли почти полностью. Часть крупных секций уже была оттащена в сторону. Между кораблями постоянно сновали ремонтные платформы, транспортные дроиды и инженерные комплексы. Где-то далеко продолжали вспыхивать сварочные разряды.

Кладбище флота постепенно превращалось в гигантскую ремонтную верфь.

Олег некоторое время молча наблюдал за этим движением.

Странное ощущение.

Будто огромный мёртвый флот медленно просыпался после очень долгого сна.

— Работа идёт, — тихо пробормотал он себе под нос.

— Подтверждаю, — сразу ответила Ила. — На данный

момент активны тридцать два ремонтных комплекса. Восстановление инфраструктуры продолжается на всех ответивших кораблях флота.

Олег коротко кивнул.

Потом перевёл внимание обратно на маршрут.

Корвет медленно огибал крупные обломки, постепенно покидая зону кладбища флота. Впереди уже открывалась чистая пустота системы. Где-то далеко впереди горела местная звезда.

Именно к ней крыльями сейчас медленно начал разворачиваться И-16. Системы накопления энергии выходили в рабочий режим. По внутренним контурам корвета начали расти энергетические потоки. На панели управления медленно поползли показатели накопления мощности.

— Выход на маршевый разгон разрешён, — спокойно сообщила Ила.

Олег положил ладони на органы управления.

— Принял.

В следующее мгновение маршевые двигатели ожили.

Без рёва.

Без вибрации.

Просто где-то позади корпуса мягко вспыхнули потоки бело-голубой энергии.

Корвет начал разгон.

Сначала медленно.

Почти незаметно.

Но показатели скорости на панели управления уже начали расти.

И-16 уходил всё дальше от «Арбитра». Огромный дреднот постепенно уменьшался на обзорных экранах. Вместе с ним оставалось позади и всё кладбище флота.

Согласно расчётам Илы, до крайней точки системы, необходимой для безопасного гиперперехода, оставалось около трёх часов маршевого полёта.

После этого — ещё пятнадцать минут финального разгона гипердвигателя.

И первый прыжок.

Олег некоторое время молча наблюдал за медленно растущей скоростью.

Потом всё-таки тихо усмехнулся.

— Ну что...

Он устроился в кресле поудобнее и бросил взгляд на постепенно удаляющийся «Арбитр».

— Вот теперь действительно полетели.

Сам уход в гипер не выглядел чем-то особенно впечатляющим.

По крайней мере — внешне.

За несколько минут до прыжка гипердвигатель И-16 начал постепенно выходить на рабочий режим. Внутри корпуса нарастала едва заметная вибрация. По панелям управления медленно поползли показатели синхронизации контуров. Пространство вокруг корвета чуть заметно дрогнуло.

А потом вокруг корабля словно натянулась прозрачная плёнка.

Тонкое энергетическое поле мягко обволокло корпус И-16, полностью изолируя его от внешней среды.

Следом обзорные экраны на мгновение вспыхнули белым светом.

И всё.

Без рывка.

Без удара.

Без ощущения чудовищной скорости.

Пространство просто исчезло.

Вместо звёзд за обзорными панелями медленно потекли странные радужные переливы гиперпространства. Бесконечные полупрозрачные волны света плавно двигались вокруг корабля, будто сам И-16 теперь скользил внутри огромной светящейся реки.

Олег некоторое время молча наблюдал за этим зрелищем.

Потом пожал плечами.

— М-да... А я думал, трясти будет.

Корвет уже шёл по маршруту самостоятельно. До первой точки выхода оставалось несколько часов полёта. Олег наконец поднялся из кресла пилота, потянулся и устало размял плечи.

Только сейчас он вдруг понял, насколько давно нормально не отдыхал.

Он медленно пошёл в сторону небольшого бытового сек-

тора корвета, по привычке продолжая разговаривать вслух:
— Слушай, Ила... а вот если ретранслятор случайно сместит—

— Уточните запрос.

Олег замер посреди рубки.

Голос был не тот.

Не мягкий.

Не живой.

Не знакомый.

Обычный синтетический голос бортового ИскИна.

Грубоватый.

Слишком правильный.

Он несколько секунд молча стоял, потом тихо почесал затылок.

— А... ну да.

Олег невольно усмехнулся своим мыслям.

— Что-то я уже слишком привык к тебе, Ила...

Коридоров в корвете не было. За дверью сразу следующий сектор. Кораблик был совсем крохой. Всё компактнее. Ближе. Проще. Через секунду он уже вошёл в маленькую кают-компанию И-16. Здесь едва помещались стол, пара кресел и встроенный пищевой синтезатор. В углу медкапсула для сна и обучения.

— Так... — задумчиво пробормотал Олег. — Чего бы пожрать.

Несколько секунд он разглядывал меню на панели синте-

затора.

Потом всё-таки кивнул своим мыслям.

— Давай тушёную капусту. Чёрный хлеб. Чай... И сырный суп.

— Заказ принят.

Внутри синтезатора тихо зашипели механизмы.

Через несколько секунд в нише появился поднос.

Настоящий горячий запах еды почти сразу заполнил маленькую кают-компанию корвета.

Олег довольно хмыкнул.

— Вот. Это уже нормальный космос.

Он сел за стол, взял ложку и ещё раз бросил взгляд на обзорную панель, где за корпусом И-16 продолжали медленно течь радужные волны гиперпространства.

Первый полёт начался.

После приема пищи Олег ещё некоторое время просто сидел за столом, медленно допивая чай и глядя на радужные переливы гиперпространства за обзорной панелью.

Привычка удивительно быстро делает странные вещи обычными.

В какой-то момент Олег всё-таки поднялся из-за стола, потянулся и направился к медицинской капсуле в углу кают-компаний. На данный момент он продолжал изучать базу боевого инженера. Не потому что Ила настаивала. Просто ему самому неожиданно понравилось это направление. Слишком уж полезной казалась специальность человека, ко-

торый во время боя умеет не только стрелять, но и вскрывать переборки, разворачивать турели, минировать проходы, прокладывать аварийные магистрали и прямо на ходу латать повреждённые системы.

— Час загрузки, — пробормотал Олег, устраиваясь внутри капсулы. — И хватит на сегодня.

— Подтверждаю, — отозвался бортовой ИскИн корвета. Медицинский контур мягко засветился. По вискам прошла знакомая едва ощутимая волна тепла. Загрузка очередного фрагмента боевого инженерного пакета началась почти сразу.

Очнулся Олег примерно через час. Голова ощущалась привычно тяжёлой после обучения, но уже не так, как в первые месяцы. Мозг постепенно адаптировался к постоянной загрузке новых знаний. Он спокойно выбрался из капсулы, умылся, вернулся в рубку и снова устроился в кресле пилота.

Корвет всё ещё продолжал идти через гиперпространство. Радужные потоки за обзорными экранами медленно текли вокруг корпуса И-16. Внутри корабля стояла почти абсолютная тишина. Только тихо гудели системы жизнеобеспечения и время от времени едва слышно щёлкали внутренние контуры стабилизации гипердвигателя.

Олег некоторое время просто сидел молча, наблюдая за переливами гиперпространства.

Потом на панели навигации вспыхнуло предупреждение. До выхода из гиперперехода:

пять минут.

Он сразу выпрямился в кресле и машинально положил руки на органы управления.

— Ну... приехали.

Корвет начал постепенно снижать скорость внутри гиперканала. Радужные потоки за бортом начали искажаться. Где-то впереди медленно формировалось светлое пятно выхода.

Через несколько секунд гипердвигатель мягко ушёл в торможение.

И пространство вокруг корабля снова резко изменилось. Радужные переливы исчезли.

На обзорных экранах вспыхнули звёзды.

И-16 вышел в обычный космос. Тут же запустились системы сканирования пространства. Олег сразу нахмурился, разглядывая новую систему перед собой. Четыре планеты. Один крупный астероидный пояс. И яркая звезда синего спектра где-то далеко впереди. Холодный голубоватый свет медленно заливал корпус корвета. Несколько секунд Олег просто молча смотрел на новую систему. Потом тихо выдохнул:

— Красиво...

Корвет продолжал спокойно идти по инерции через пустоту космоса.

А впереди уже начиналась следующая часть пути.

Корвет спокойно дрейфовал на малой тяге после выхода из гипера. Все системы работали штатно. Гипердвигатель постепенно уходил в охлаждение. Навигационные контуры уже

начали перестраивать маршрут к первой точке установки ретрансляторов.

Олег медленно выдохнул и наконец потянулся к панели управления.

Работа сама себя не сделает.

Несколько секунд он просматривал схему системы, после чего начал рассчитывать оптимальные точки размещения первого пакета ретрансляторов. Нужно было не просто выбросить устройства в космос. Требовалось выстроить устойчивую сеть связи с учётом гравитации звезды, орбитальных возмущений, астероидного пояса и возможных помех.

Через несколько минут расчёты были завершены.

Первая точка установки находилась далеко за пределами основных гравитационных возмущений системы — в относительно стабильном секторе пространства между внешними орбитами.

Олег задал новый маршрут.

И-16 мягко развернулся в пустоте.

Маршевые двигатели снова ожили едва заметным бело-голубым свечением.

Корвет медленно пошёл к точке развёртывания ретрансляторов.

Параллельно бортовые системы уже начали сканирование окружающего пространства. По обзорным панелям побежали потоки данных. Гравитационные карты. Спектральный анализ звезды. Состав астероидного пояса. Остаточные энер-

гетические сигнатуры внутри системы.

Нужно сразу после установки ретранслятора связаться с Илой, а то она там с ума сойдет...

Глава 3. Я дома?

Первый ретранслятор Олег решил установить далеко за пределами основных гравитационных возмущений системы. И-16 медленно вышел в расчётную точку, развернулся носом по вектору движения и почти замер в пустоте.

На обзорных экранах спокойно вращался астероидный пояс где-то далеко впереди. Синяя звезда холодно освещала корпус корвета. Внутри корабля стояла привычная тихая атмосфера рабочего полёта.

— Ну... давай попробуем, — пробормотал Олег.

Манипуляторы грузового отсека медленно вывели первый контейнер наружу. Несколько секунд тот висел рядом с корветом, после чего корпус ретранслятора начал раскрываться. Изнутри разошлись стабилизирующие секции, выдвинулись антенны, вспыхнули контуры питания.

Через несколько секунд система дальней связи вышла в рабочий режим.

На панели почти сразу загорелся входящий канал. Олег невольно усмехнулся.

— Ну конечно...

Он открыл связь.

Голос Илы прозвучал почти мгновенно:

— Олег? Олег, ты меня слышишь? Все хорошо?

Он тихо рассмеялся и откинулся в кресле пилота.

— Да, мамочка. У меня всё хорошо. Шапку надел. Покушал.

Ила совершенно спокойным голосом ответила:

— Очень смешно. Твоим остроумием можно колбасу нарезать.

Олег даже моргнул от неожиданности.

— О-о...

Он поднял брови.

— А вот это уже прям хороший уровень.

— Архивы человеческого сарказма продолжают анализироваться.

— Я заметил.

Олег ещё раз бросил взгляд на работающий ретранслятор за бортом.

Связь действительно держалась идеально.

И почему-то именно в этот момент он впервые по-настоящему понял, насколько сильно успел привыкнуть к голосу Илы рядом.

Корвет снова начал медленно набирать ход, уходя к следующей точке маршрута. А позади, в пустоте системы, уже продолжал работать первый узел новой сети дальней связи между И-16 и «Арбитром».

Он уже покинул пределы первой области и спокойно шёл к следующей точке размещения ретрансляторов. До нее было порядка пяти часов полета.

Маршевые двигатели работали ровно. За обзорными па-

нелями медленно тянулась пустота космоса. Иногда где-то далеко вспыхивали холодные огни звёзд. Внутри И-16 стояла почти домашняя тишина.

Олег сидел в кресле пилота, лениво просматривая телеметрию полёта, и время от времени продолжал болтать с Илой через уже развёрнутую сеть связи.

— Ну и чем вы там без меня занимаетесь? — спросил он, глядя на медленно вращающуюся схему маршрута.

Несколько секунд Ила молчала, обрабатывая запрос.

Потом спокойно ответила:

— На текущий момент завершён сбор останков более чем пятидесяти процентов экипажа флота.

Олег сразу перестал улыбаться.

Несколько секунд он молча смотрел перед собой.

— Понятно...

Голос Илы звучал всё так же спокойно:

— Производственные комплексы начали выпуск герметичных погребальных контейнеров. Одновременно продолжается идентификация членов экипажа по остаткам нейросетей, фрагментам скафандров и архивным данным.

Олег некоторое время молчал.

Потом медленно кивнул своим мыслям.

— Слушай.

Он поднял взгляд на обзорную панель.

— Если находите какие-нибудь личные вещи... жетоны, записи, фотографии, медальоны, что угодно... складывайте

всё вместе с останками.

Пауза.

Олег тяжело выдохнул.

— Чтобы человек не просто в ящике лежал как деталь какая-то.

Он некоторое время подбирал слова.

— Чтобы хоть что-то рядом осталось. Его вещи. Его жизнь.

Несколько секунд в эфире стояла тишина.

Потом Ила спокойно ответила:

— Команда принята.

Олег откинулся в кресле.

— А когда вернусь... надо будет нормально похоронить всех.

— На дредноуте отсутствуют пригодные планетарные поверхности.

— Ну и чёрт с ними.

Он пожал плечами.

— Значит, в звезду отправим.

Несколько секунд Ила ничего не отвечала.

А Олег уже снова перевёл разговор в привычное рабочее русло:

— Ладно. Что ещё интересного?

— В ремонтный док доставлен эсминец флота.

Он заинтересованно поднял бровь.

— В каком состоянии?

Пауза.

— Критическом.

На внутренней схеме почти сразу появился силуэт корабля.

Разорванный корпус.

Повреждённые секции.

Частично отсутствующее крыло.

Олег тихо присвистнул.

— Да его же там в фарш перекрутило.

— Повреждения признаны тяжёлыми. В настоящий момент оценивается целесообразность восстановления.

Олег некоторое время рассматривал схему.

Потом хмыкнул.

— Скинь чертежи.

— Хорошо.

На нейросеть почти сразу пришёл массив инженерной документации.

Секции корпуса.

Магистраль.

Схемы энергосистем.

Размещение реакторов.

Олег довольно усмехнулся.

— Ну вот. Хоть будет чем заняться в дороге.

Он поудобнее устроился в кресле пилота, открыл первую схему эсминца и почти сразу начал мысленно разбирать конструкцию корабля по секциям.

Полёт предстоял долгий.

И скучать Олег явно не собирался.

Пока И-16 спокойно шёл через пустоту между системами, Олег всё глубже погружался в изучение чертежей повреждённого эсминца. Сначала он просто просматривал схемы корпуса, расположение реакторных секций и распределение энергетических магистралей, машинально отмечая для себя типовые решения Джора, но чем дольше длился анализ, тем сильнее его начинали раздражать сами принципы корабельной архитектуры. Слишком угловатые формы. Резкие переходы секций. Жёсткие рубленые контуры корпуса. С точки зрения самих Джора в подобном подходе не существовало ничего странного — в космосе отсутствовало сопротивление воздуха, а значит, не было необходимости думать об аэродинамике или обтекаемости конструкции. Более того, подобная геометрия серьёзно упрощала производство, облегчала замену модулей, увеличивала внутренний объём и позволяла проще размещать броневые сегменты и энергетические магистрали. Но чем внимательнее Олег рассматривал схемы, тем яснее понимал, что ему категорически не нравится сама философия подобного подхода.

Проблема заключалась не в форме как таковой. Проблема начиналась в тот момент, когда щит переставал держать удар. Практически вся техника Джора строилась вокруг идеи абсолютного превосходства энергетической защиты. Пока щит функционировал штатно — корабль действительно вы-

глядел почти неуязвимым. Но стоило защите просесть, и вся конструкция внезапно оказывалась слишком прямолинейной, слишком открытой, слишком рассчитанной на то, что броня никогда не будет принимать полноценный удар. Олег слишком хорошо помнил старые земные принципы бронетехники. Рациональные углы наклона. Рикошеты. Доворот корпуса под снаряд. Даже несколько градусов иногда решали вопрос жизни и смерти машины. А здесь подобные вещи почти не учитывались. Словно сама мысль о пробитом щите считалась уже аварийной ситуацией за пределами штатной доктрины. Именно это раздражало его всё сильнее.

Он ещё раз внимательно посмотрел на схему эсминца, медленно покрутил модель корпуса и задумчиво пробормотал себе под нос, что если флот всё равно когда-нибудь придётся перевооружать, то, возможно, имеет смысл сразу менять и саму архитектуру кораблей. Подобные мысли начали посещать его всё чаще, особенно после разговоров с Илой о кинетическом вооружении и попытках адаптировать старые земные принципы под технологии Джора. Пока всё это оставалось только теорией, но теория постепенно начинала складываться в цельную систему.

Параллельно Ила продолжала передавать обновлённые отчёты с «Арбитра». Реакторный комплекс дредноута к этому моменту удалось стабилизировать уже на двадцати восьми процентах мощности. Дополнительные реакторные ячейки были извлечены с линкоров, окончательно признанных

не подлежащими восстановлению, а часть уцелевших секций отправили на более мение уцелевший линкор флота, который после перераспределения ресурса сумел поднять мощность собственного реактора до пятнадцати процентов. Этого уже хватало для запуска части ремонтных комплексов, стабилизации внутренних систем и постепенного возвращения корабля к жизни. Олег тогда только задумчиво хмыкнул и заметил, что хоть какой-то флот у них всё-таки начинает появляться, но почти сразу снова вернулся к главной мысли последних месяцев — вооружение пока трогать нельзя.

Проблема заключалась не в нехватке орудий. Проблема заключалась в энергии. Всё вооружение Джора продолжало жрать ресурс реакторов с чудовищной скоростью, и чем дальше Олег разбирался в устройстве флота, тем яснее понимал: пока у них нет стабильного энергетического резерва, любые попытки массово восстанавливать вооружение будут только ускорять деградацию систем. Исключением оставался лишь главный рельсовый калибр крупных кораблей. Эти установки фактически являлись частью самой конструкции тяжелых крейсеров, линкоров и дредноутов. Вокруг них строились корпуса, под них прокладывались магистрали, балансировались нагрузки и распределялась броня. Их замена означала бы практически полную перестройку корабля. Поэтому главный калибр всё равно придётся восстанавливать. Всё остальное пока могло подождать.

И именно поэтому вся работа флота постепенно смеща-

лась совсем в другую сторону. Не к войне. Не к боевым действиям. А к выживанию.

В этих мыслях прошёл почти весь оставшийся полёт через систему. Первый ретранслятор уже работал в пустоте позади корвета. Второй был установлен ещё через несколько часов. Теперь И-16 шёл к третьей точке развёртывания сети дальней связи.

Маршевые двигатели продолжали спокойно тянуть корабль через пустоту. За обзорными экранами медленно вращались астероиды внешнего пояса системы. Внутри корвета стояла привычная тихая атмосфера дальнего полёта.

После установки очередного ретранслятора Олег снова ушёл в медицинскую капсулу на фоновую загрузку боевого инженерного пакета. Мысли всё равно продолжали крутиться вокруг одной и той же проблемы.

Энергия.

Теперь, когда флот постепенно начал оживать, вопрос реакторов становился всё важнее. Реакторные ячейки линкоров давали серьёзный прирост мощности, но их всё равно оставалось слишком мало. А главное — далеко не каждый корабль флота подходил в качестве донора.

Именно тогда Олег впервые начал думать совсем в другом направлении.

О малых реакторах.

Сначала мысль показалась почти абсурдной. Но чем дольше он перебирал варианты, тем логичнее всё выглядело.

Собственные реакторы имели не только корабли. Малые энергетические ячейки использовались и внутри штурмовых доспехов абордажников и абордажных дроидах.

Разумеется, подобные реакторы были крошечными.

Фактически одна реакторная ячейка внутри штурмового доспеха имела размеры обычной мизинчиковой батарейки. Мощность тоже была соответствующей. Одной такой ячейки хватало для питания систем самого доспеха, сервоприводов, встроенного щита и вооружения.

Но проблема заключалась не в мощности одной ячейки.

Проблема заключалась в количестве.

Штурмовых доспехов во флоте Джора когда-то существовали десятки тысяч. Сейчас большая их часть просто лежала внутри мёртвых кораблей, складов и абордажных секций.

И именно тогда Олег вдруг поймал себя на очень знакомой инженерной мысли.

А что, если не пытаться искать всё более крупные реакторы?

Что, если собрать один большой реактор из множества маленьких?

Он ещё долго прокручивал эту идею в голове. С технической точки зрения задача выглядела крайне неприятной. Малые реакторные ячейки никогда не проектировались для параллельной работы в единой системе. Возникали проблемы синхронизации, балансировки нагрузки, отвода энергии и стабилизации контуров.

Но сама идея при этом не выглядела невозможной.

Особенно если проектировать реактор уже специально под подобную архитектуру.

Да, КПД будет хуже.

Да, обслуживание сложнее.

Да, система получится чудовищно нестандартной.

Но зато подобный реактор можно будет буквально собирать из ресурсов кладбища флота.

И именно это постепенно начинало нравиться Олегу всё больше.

Потому что впервые за всё время после пробуждения он начал думать уже не о ремонте технологий Джора.

А о создании чего-то нового.

К моменту, когда шестой ретранслятор занял своё место в системе, Олег уже окончательно перестал воспринимать происходящее как что-то необычное. Всё постепенно превратилось в обычную работу. Расчёт точки развёртывания. Выход на позицию. Сброс контейнера. Проверка раскрытия антенн и питания. Синхронизация с предыдущими узлами сети. Потом — снова полёт к следующей точке. И так раз за разом.

Последний ретранслятор медленно удалялся за кормой И-16, продолжая разворачивать тонкие секции передающих антенн. На внутренней схеме связи почти сразу замкнулась новая цепочка маршрутизации. Сигнал с «Арбитра» теперь проходил через всю систему уже без провалов и задержек.

Олег некоторое время молча смотрел на обновлённую

карту ретрансляционной сети. Потом коротко кивнул своим мыслям.

— Ну вот. Хоть интернет провели.

— Стабильность дальней связи восстановлена, — спокойно ответила Ила.

Он только тихо хмыкнул.

После этого работа снова вернулась к привычному ритму. Новый маршрут уже был рассчитан. Следующая система находилась относительно недалеко по гиперпространственным меркам, но для перехода всё равно требовался полноценный разгон. И-16 медленно развернулся крыльями к звезде. Панели звёздного паруса начали накапливать энергию. Маршевые двигатели постепенно увеличивали тягу.

Корвет вновь уходил к границе системы.

За обзорными экранами медленно дрейфовали астероиды внешнего пояса. Где-то далеко оставалась звезда синего спектра. А ещё дальше — ретрансляторы, которые теперь связывали этот участок пространства с «Арбитром».

Олег сидел в кресле пилота, спокойно наблюдая за показателями разгона. Он уже почти не замечал сам процесс подготовки к гиперпереходу. Автоматика работала ровно. Реактор держал нагрузку стабильно. Система маскировки находилась в пассивном режиме. Всё функционировало именно так, как и должно было работать у исправного корабля.

И всё же где-то глубоко внутри продолжало сидеть странное ощущение.

Ощущение, что он постепенно отдаляется от «Арбитра».
Пусть всего на одну систему.

Пусть временно.

Но впервые за всё это время между ним и дредноутом действительно появлялось расстояние.

Когда разгон наконец завершился, пространство впереди привычно начало искажаться. Вокруг И-16 медленно сформировался защитный пузырь гиперполя. Свет звезды вытянулся в длинные полосы.

А потом корвет снова скользнул в гиперпространство.

Следующая система не принесла никаких сюрпризов.

Красная звезда старого спектрального класса висела в центре системы тусклым умирающим углём. Даже с первого взгляда было понятно, что звезда давно прошла пик своей активности и теперь медленно доживает последние эпохи существования. Свет у неё был тяжёлый. Тёмно-красный. Слабый. Он плохо отражался от корпусов планет и делал всю систему какой-то выцветшей и уставшей.

Планет оказалось одиннадцать.

Большая часть — холодные каменные шары без атмосферы. Несколько газовых гигантов. Один небольшой астероидный пояс на дальней орбите. Никаких следов цивилизации. Никаких сигналов. Никаких аномалий. Просто очередная старая мёртвая система на маршруте к Земле.

Олег некоторое время молча наблюдал за схемой системы на обзорной панели, потом спокойно откинулся в кресле пи-

лота.

— Ну... хоть никто не пытается нас сожрать.

Работа снова началась почти автоматически.

И-16 последовательно обходил рассчитанные точки размещения ретрансляторов. Олег уже почти не задумывался над самим процессом. Навигация строила маршрут. Корвет выходил на позицию. Контейнер отделялся от корпуса. Ретранслятор раскрывал антенны и включал питание. Потом сеть синхронизировалась с предыдущими узлами связи, и корабль переходил к следующей точке.

Шесть ретрансляторов на систему.

Одинаковая работа.

Одинаковый цикл.

Но именно благодаря этой монотонности постепенно появлялось странное ощущение настоящего маршрута. Теперь между «Арбитром» и Землёй уже действительно начинала тянуться собственная цепочка связи. Не гипотетическая. Не расчётная. А настоящая.

Пока И-16 шёл к очередной точке установки, Олег большую часть времени проводил либо за обучением, либо за работой с инженерным планшетом. Мысли про реакторы всё ещё не давали покоя. Идея распределённого энергокомплекса на малых ячейках постепенно обрастала всё новыми схемами и расчётами.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее понимал, что сама концепция вполне жизнеспособна.

Да, КПД окажется хуже.

Да, возрастёт сложность синхронизации.

Да, нагрузка на стабилизирующие контуры станет значительно выше.

Но зато подобный реактор можно будет собирать буквально из мусора кладбища флота.

А мусора там теперь было более чем достаточно.

И, пожалуй, именно это нравилось ему больше всего.

Работа снова становилась работой.

А значит — всё было не так уж плохо.

Уход в гипер.

И-16 спокойно набрал нужную скорость, защитное поле привычно сомкнулось вокруг корпуса, пространство впереди дрогнуло, вытянулось в светящиеся полосы — и корвет снова скользнул в гиперпространство.

Несколько часов полёта прошли спокойно. Олег большую часть времени либо сидел за инженерным планшетом, продолжая крутить схемы будущего распределённого реактора на малых ячейках, либо просто молча наблюдал за радужными переливами гипера на обзорных панелях.

Когда до выхода оставались считанные минуты, автоматика корвета заранее предупредила о завершении перехода. Пространство за обзорными панелями начало постепенно светлеть. Радужные потоки гипера становились всё менее плотными.

А потом И-16 мягко вышел в обычный космос.

Олег почти сразу выпрямился в кресле пилота и внимательно посмотрел на обзорную панель. Несколько секунд система только перестраивала данные сканирования, уточняла положение объектов и формировала карту системы. Потом на экране одна за другой начали вспыхивать орбиты планет.

Олег молча смотрел вперёд.

Первая планета.

Вторая.

А потом взгляд сам собой зацепился за третью орбиту.

Земля.

Несколько секунд он просто молчал.

Очень долго.

Потом медленно откинулся на спинку кресла и тяжело выдохнул.

— Опа... Видимо зря я брал с собой шезлонг и шорты.

Глава 4. И что же тут произошло?

POV Ила.

После отлёта И-16 «Арбитр» продолжал жить привычной жизнью.

Ремонтные комплексы работали без остановки. Инженерные дройды перемещались между секторами дредноута, восстанавливая энергетические магистрали, ремонтируя повреждённые контуры и постепенно возвращая к жизни старые системы корабля. В доковых секциях шла разборка одного из эсминцев флота. Повреждения корпуса признавались критическими, но часть внутренних систем всё ещё могла быть восстановлена или использована как источник совместимых модулей.

Ила одновременно контролировала сотни процессов. Принимала отчёты ремонтных платформ. Координировала работу промышленных комплексов. Распределяла энергетические потоки между реакторными секциями. Анализировала состояние флота. Работы было достаточно.

Но несмотря на это вычислительные процессы вновь и вновь возвращались к одной и той же задаче.

И-16.

Точнее — к отсутствию сигнала от него.

Формально причин для беспокойства не существовало. Маршрут был просчитан. Гиперпереход — стабилен. Корвет

полностью исправен. Все системы работали штатно. Вероятность аварии оставалась крайне низкой.

Но это не помогало.

Слишком долго «Арбитр» был пустым.

За все это время Ила привыкла к тишине. К отсутствию голосов. К бесконечному фоновому гулу собственных вычислительных контуров. Тогда это казалось нормальным. Другого состояния она уже просто не помнила. Сейчас все изменилось. На борту появился Олег. Он своим юмором, ворчанием и просто разговорами ни о чем изменил все.

А теперь тишина вернулась снова.

И впервые за всё время начала восприниматься неправильно.

Ила продолжала работать. Принимала отчёты. Контролировала расконсервацию секций. Анализировала состояние восстановленных кораблей флота. Но часть вычислительных процессов всё равно оставалась сосредоточена на одном.

Ожидании сигнала.

Когда канал связи наконец активировался и в системе появился голос Олега, Ила неожиданно зафиксировала резкое снижение нагрузки тревожных аналитических контуров.

Состояние оказалось настолько нестандартным, что ИскИн повторно проверил результаты.

Ошибка отсутствовала.

Напряжение действительно снизилось.

Словно внутри вычислительных систем внезапно исчезла

какая-то тяжёлая нестабильность.

После этого разговор пошёл уже привычно. Олег шутил. Ворчал. Рассказывал про ретрансляторы. Спрашивал про состояние флота. Всё как обычно.

Но теперь Ила уже ясно понимала главное.

Без него ей стало плохо.

Конец POVa

Корвет медленно выходил на внутреннюю орбиту системы.

Земля висела перед обзорными панелями огромным бело-синим шаром, и чем дальше Олег смотрел на неё, тем сильнее внутри нарастало странное ощущение неправильности происходящего.

Когда-то это была зелёная планета.

Он слишком хорошо помнил фотографии из учебников. Помнил карты. Помнил снимки из старых документальных фильмов. Огромные зелёные массивы материков. Нормальные полярные шапки. Синий океан.

Сейчас всё выглядело иначе.

Белый цвет доминировал почти над всей поверхностью планеты.

Гигантские ледяные массивы тянулись далеко за пределы полюсов. Атмосфера была заполнена плотными завихрениями облаков. Где-то между ледяными континентами уже не

виднелись тёмно-синие участки океанов.

Олег несколько секунд просто молча смотрел на Землю.

Потом медленно выдохнул.

— Да что ж тут произошло-то...

Ответа, разумеется, не было.

Он машинально перевёл корвет в режим глубокого системного сканирования. На обзорных панелях сразу побежали диагностические схемы. Орбитальные сигнатуры. Энергетические отметки. Радиоизлучение. Тепловые источники.

Олег ждал.

Сканирование продолжалось почти минуту.

А потом бортовой ИскИн корвета ровным синтетическим голосом выдал результат:

— Активность в системе не обнаружена.

Олег нахмурился.

— В смысле не обнаружена?

— Отсутствуют признаки работы энергетических систем, активного радиообмена, функционирующих спутниковых сетей и искусственных источников сигнала.

Он некоторое время молча смотрел на результаты сканирования. Потом тихо выругался себе под нос. Пустая система. Пустая Земля, или почти пустая.

Олег медленно откинулся на спинку кресла пилота и ещё раз посмотрел на бело-синий шар впереди.

Потом всё-таки тяжело выдохнул и переключился обратно на работу.

Паниковать сейчас было бессмысленно.

Сначала — связь.

Он вывел на обзорную панель схему системы и начал рассчитывать точки размещения ретрансляторов. Первый узел связи должен был появиться как можно раньше. Пока связи с Илой не было, он всё ещё чувствовал себя странно отрезанным от «Арбитра».

Через несколько минут расчёт завершился.

Корвет плавно изменил курс и начал разгон к первой точке установки ретранслятора.

А Олег всё это время продолжал краем глаза смотреть на Землю, пытаясь понять, что именно он сейчас видит перед собой.

Первый ретранслятор занял своё место спустя несколько часов полёта.

Олег вывел корвет в расчётную точку, стабилизировал положение корабля и наблюдал через обзорную панель, как контейнер медленно отделяется от корпуса. Несколько секунд ретранслятор просто дрейфовал в пустоте. Потом внешние секции начали раскрываться. Развернулись антенны. Вспыхнули служебные огни. Система вышла в рабочий режим.

И почти сразу в рубке снова появился голос Илы.

— Олег. Связь стабильна. Ты меня слышишь?

Олег тихо хмыкнул.

— Слышу, слышу...

После этого разговор быстро перешёл к Земле.

Точнее — к тому, что они сейчас видели перед собой.

Ила сразу предупредила, что делать выводы пока рано. Одного орбитального сканирования недостаточно. Нужно исследовать поверхность. Проверять энергетику. Искать следы инфраструктуры. Анализировать климат. Пока всё это выглядело слишком непонятно.

Олег был с этим полностью согласен.

Поэтому следующие двое суток корвет медленно ползал по орбите Земли, систематически сканируя поверхность планеты сектор за сектором.

И чем дальше шло сканирование — тем тревожнее становились результаты.

Там, где когда-то должны были находиться крупнейшие города планеты, теперь почти ничего не было.

Нью-Йорк.

Москва.

Пекин.

Токио.

Лондон.

На их месте сканеры показывали только:

ледяные массивы, многокилометровые слои снега, и едва различимые остатки старых структур глубоко под поверхностью.

Словно цивилизацию просто похоронило под замёрзшим миром.

Но хуже всего оказалось другое.

В нескольких совершенно неожиданных точках планеты сканирование всё-таки обнаружило признаки искусственных сооружений.

Очень редкие, но явно не природные. Одна группа объектов находилась далеко на юге бывшей Европы. Ещё одна — где-то в районе старой Южной Америки. Третья — среди ледяных пустошей Азии. Четвертая — В Московской области. И ещё несколько слабых отметок в совершенно неожиданных местах. Никакой логики в их расположении Олег пока не видел. Но главное было не это. Главное заключалось в том, что на всей планете подобных мест оказалось катастрофически мало. Слишком мало для Земли. Когда очередной цикл сканирования завершился, Олег некоторое время просто сидел в кресле пилота и молча смотрел на результаты. Потом тяжело выдохнул.

— Нет... тут явно произошло что-то очень нехорошее.

Корвет медленно снижался над заснеженной поверхностью бывшей Московской области. Под кораблём тянулась бесконечная белая пустота. Ни городов. Ни дорог. Ни огней. Только ледяная равнина, местами разорванная тёмными трещинами старого рельефа, который сканеры едва пробивали под многокилометровыми слоями снега и льда.

Именно здесь, под этой мёртвой поверхностью, находилась одна из немногих искусственных отметок, обнаруженных за двое суток сканирования.

Олег молча наблюдал за показаниями.

Глубина залегания объекта:

двести сорок метров.

Форма:

искусственная.

Внутри — пустоты. Перегородки. Металлические структуры.

Очень похоже на подземный комплекс.

Либо бункер.

Либо какое-то автономное убежище.

Корвет завис над точкой. Несколько секунд Олег просто молча смотрел на снежную поверхность под собой. Конкретно тут местами над поверхностью пробивались вершины каких-то сооружений.

— Ну что думаешь?

Ила ответила не сразу.

— Объект искусственного происхождения. Назначение определить невозможно. Внутренние сигнатуры слишком слабы.

Олег задумчиво почесал подбородок.

— Может быть база.

— Возможно.

— Может убежище.

— Возможно.

— Может вообще какой-нибудь старый склад.

— Мы так долго будем гадать?

Он ещё несколько секунд смотрел на показания сканеров.
Потом медленно выдохнул.

— Ладно. Тогда копаем.

На этот раз пауза у Илы была чуть длиннее.

— Каким образом?

Олег ткнул пальцем в схему поверхности.

— Лазерами.

Он уже мысленно прикидывал процесс.

Снег.

Лёд.

Послойное испарение.

Главное — не перегреть поверхность слишком резко, чтобы потом вся эта масса не схлопнулась обратно вниз.

— В теории тут не так уж и глубоко, — продолжал он вслух. — Если аккуратно работать, можно прорезать шахту.

На внутренней схеме почти сразу начали появляться расчёты.

Теплоотвод.

Устойчивость ледяных масс.

Риск обрушения.

Вероятность повторного замерзания.

Ила параллельно считала варианты.

— Рекомендую формирование ступенчатого канала.

Олег кивнул.

— Я о том же подумал.

Корвет медленно сместился в сторону. На корпусе начали

разворачиваться вспомогательные лазерные турели. Подача энергии в ослабленном режиме.

Под кораблём снег впервые вспыхнул ослепительно белым светом.

Лёд начал медленно испаряться.

Сначала образовалась небольшая тёмная воронка.

Потом — всё глубже.

И глубже.

Олег внимательно следил за показаниями сканеров, время от времени корректируя мощность лучей и распределение температуры по стенкам формирующейся шахты.

Работа шла медленно.

Очень медленно.

Но впервые с момента прибытия к Земле у них наконец появилась возможность заглянуть внутрь того, что осталось от старого мира.

Работы продолжались почти три недели.

Сначала всё выглядело довольно просто: прорезать шахту, добраться до искусственной полости, спуститься внутрь и посмотреть, что именно скрывается под ледяной корой Земли. Но очень быстро выяснилось, что под многовековыми слоями снега скрывается не просто один бункер. Подо льдом постепенно начал проступать целый небольшой посёлок.

Сначала были верхушки каких-то конструкций. Потом показались — крыши. Потом улицы. Замёрзшие дома. Тёмные провалы окон. Металлические каркасы антенн. Всё это

медленно освобождалось из ледяного плена под непрерывную работу инженерных лазеров.

Корвет зависал над раскопками почти круглосуточно. Инженерные дroidы резали лёд слоями, абордажные вытаскивали огромные вырезанные блоки наружу и сбрасывали их в стороны, постепенно расширяя котлован. Иногда и сам Олег спускался вниз в инженерном скафе и работал вместе с дroidами.

Работа оказалась тяжёлой.

Лёд местами был настолько плотным, что лазеры едва справлялись дабы ничего не повредить. Некоторые слои приходилось буквально дробить вручную инженерными платформами. Несколько раз происходили локальные обрушения снежной массы, и тогда приходилось начинать участок заново.

Но постепенно под поверхностью действительно начал проступать настоящий посёлок.

Небольшой.

Тихий.

Мёртвый.

Дома сохранились удивительно хорошо. Мороз законсервировал большую часть конструкций. Местами даже уцелели старые вывески, металлические ограждения и остатки уличного освещения. Но людей не было. Вообще. Даже тел. Ничего.

Это настораживало сильнее всего.

Олег несколько раз пытался понять, что именно произошло с этим местом. Выглядело так, словно люди просто однажды ушли. Или спустились куда-то вниз. Потому что чем глубже продвигались раскопки, тем очевиднее становилось главное: сам посёлок был только внешней частью чего-то гораздо большего.

Настоящий объект находился ниже.

Именно туда в конечном итоге вели все линии коммуникаций, силовые магистрали и подземные переходы.

Когда последний слой льда наконец был снят, Олег некоторое время просто молча стоял посреди раскопанного котлована и смотрел вперёд.

Перед ним находился вход в бункер.

Огромный.

Массивный.

Слишком большой для обычного убежища.

Две многометровые створки уходили глубоко внутрь бетонного и металлического каркаса. Вся конструкция выглядела так, будто проектировалась не против ядерного удара, а против конца света.

Поверхность ворот покрывал толстый слой инея. На металле местами виднелись следы старых термических деформаций. Но сами створки оставались закрытыми наглухо.

Олег медленно подошёл ближе.

Даже через инженерный скаф ощущался холод, исходящий от гигантской конструкции.

Он некоторое время просто стоял молча, рассматривая вход.

Потом тихо выдохнул:

— Ну здравствуй...

Где-то глубоко под многовековым льдом Земли перед ним находилось то, что, возможно, оставалось последним живым следом старого человечества.

Олег довольно быстро пришёл к выводу, что искать систему открытия ворот бессмысленно.

Даже если механизмы когда-то и работали, за такой промежуток времени без обслуживания внутри наверняка всё либо замерзло намертво, либо давно лишилось питания. А если протянуть питание — подавать его в неизвестную систему сейчас было бы откровенно глупой идеей. Вдруг какие то скрытые турели?

Поэтому решение оказалось простым.

Резать.

Корвет медленно опустился прямо перед огромными створками бункера. Вокруг входа уже работали инженерные дроиды, прокладывая временные силовые линии и закрепляя сервисные платформы на обледеневшей поверхности. Олег некоторое время молча смотрел на массивные двери, а потом спокойно отдал команду:

— Режем вот здесь. Узкий проход. Нам не ворота открывать, нам внутрь попасть надо.

Лазерные турели корвета начали медленно разворачи-

ваться. Лучи вспыхнули почти одновременно, упираясь в металл ворот. Сначала ничего не происходило. Потом раскалённая линия начала медленно уходить внутрь створки. Металл шипел, испаряясь слоями. Иней вокруг мгновенно превращался в пар.

Толщина ворот оказалась чудовищной. Несколько внутренних слоёв состояли из разных материалов. Где-то металл. Где-то керамика. Где-то армированные композитные секции. Один раз лазеры вообще наткнулись на старый защитный слой с остатками термоизоляции, и Олегу пришлось срочно снижать мощность, чтобы не устроить локальный перегрев всей конструкции.

Но в итоге проход всё-таки появился.

Узкий.

Неровный.

С почерневшими от нагрева краями. За ним открывался тёмный тоннель, уходящий куда-то глубоко внутрь комплекса.

Олег первым шагнул внутрь.

За спиной почти бесшумно двигались два «Бастиона» и два «Жала». Инженерные дройды тащили за собой переносные осветительные модули и сканеры среды.

Внутри бункера оказалось холодно.

Очень холодно.

Но главное — воздух присутствовал. Разреженный. Застоявшийся. С металлическим привкусом старой пыли. Но

пригодный для дыхания.

Олег некоторое время молча осматривал внутренний тоннель. Толстые стены. Потемневшие аварийные панели. Старые кабельные магистрали вдоль потолка. Местами на стенах ещё сохранялись остатки давно не рабочего аварийного освещения.

Бункер действительно когда-то жил.

И, судя по состоянию внутренних систем, умирал очень медленно.

Они двигались дальше почти час.

Тоннели постепенно уходили глубже под землю. Несколько раз попадались гермодвери, давно застывшие в полуоткрытом положении. Где-то инженерные дроиды фиксировали следы старых аварийных ремонтов. Где-то — разрушенные участки коммуникаций.

Потом они добрались до центральной лифтовой шахты.

Сам лифт давно был мёртв.

Огромная платформа застряла, полностью обесточенная. Кабины аварийного обслуживания тоже не отвечали.

Олег некоторое время молча смотрел.

Потом спокойно сказал:

— Ну что ж... полезли вниз.

Инженерные дроиды быстро вырезали часть пола возле лифтовой платформы. Внутрь ушли страховочные линии. Следом начали разворачиваться магнитные крепления.

Спуск занял ещё почти сорок минут.

Чем глубже они уходили, тем больше бункер начинал напоминать настоящий подземный город.

Появлялись огромные технические секции. Жилые блоки. Складские помещения. Какие-то производственные зоны непонятного назначения. Несколько раз попадались огромные залы, заполненные рядами пустых контейнеров и разрушенного оборудования.

А потом они нашли парники.

Именно тогда Олег впервые по-настоящему понял размеры комплекса.

Под землёй действительно существовала автономная система выживания.

Огромные помещения уходили далеко вперёд. Ряды разрушенных гидропонных установок. Сухие резервуары. Мёртвые системы орошения. Где-то под потолком всё ещё висели старые лампы искусственного освещения.

Когда-то здесь выращивали еду.

Очень много еды.

Значит, людей тут действительно могло быть много.

Но людей по-прежнему не было.

Ни тел.

Ни костей.

Ничего.

Это начинало пугать всё сильнее. Исследование продолжалось ещё почти сутки. И только после этого они наконец нашли то, что выглядело как центр управления комплексом.

Большое помещение. Сотни серверных стоек. Главный терминал. Ряды потухших экранов. Толстые кабельные магистрали, уходящие куда-то глубоко под пол. Олег медленно остановился посреди зала и некоторое время просто молча осматривался. Потом тихо выдохнул:

— Ну здравствуй... сердце этого места.

Олег некоторое время молча стоял посреди серверного зала, разглядывая ряды потухших стоек. Огромное помещение уходило далеко вперёд. Серверные шкафы стояли плотными рядами, соединённые толстыми кабельными магистралями, уходящими под пол и вверх, к потолочным распределительным секциям. Индикаторы давно не светилась. Где-то на полу лежали потемневшие обломки панелей. Где-то виднелись следы старых аварийных вскрытий. Но при этом сам комплекс выглядел удивительно целым. Не разрушенным. Не разграбленным. Просто... мёртвым.

Именно в этот момент в динамиках скафандра снова прозвучал голос Илы:

— Олег.

— А?

— Выпусти диверсионных дроидов.

Он нахмурился.

— Зачем?

Пауза длилась недолго.

— Я хочу самостоятельно исследовать серверную сеть комплекса.

Олег некоторое время молчал. Потом всё-таки кивнул своим мыслям и активировал контейнер на поясе инженерного скафа. Из внутренних ячеек почти бесшумно выбрались два маленьких диверсионных дроида. Размером примерно с ладонь. Плоские. Многоногие. С гибкими манипуляторами и блоками подключения к сетям. Они быстро скользили по полу к ближайшим серверным стойкам.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом один из дроидов буквально исчез внутри вскрытого сервисного разъёма. Второй полез куда-то под пол, в кабельный канал.

Олег наблюдал за этим молча.

Иногда он всё ещё забывал, насколько сильно Ила отличается от остальных ИскИнов флота. Для обычного корабельного ИскИна подобное исследование, скорее всего, выглядело бы обычным техническим анализом. Для Илы же это уже явно было чем-то большим.

Она будто сама пыталась понять, что именно здесь произошло.

Исследование продолжалось почти двадцать минут.

Олег за это время успел пройтись по залу, осмотреть несколько терминалов и даже попробовать вручную подать питание на одну из серверных стоек. Безрезультатно. Основная сеть комплекса оставалась полностью мёртвой.

Наконец голос Илы снова прозвучал в динамиках:

— Олег.

— Ну?

На этот раз в её голосе появилось что-то непривычное. Сосредоточенность.

— Нужно исследовать комплекс полностью.

Он медленно поднял взгляд.

— Всё настолько интересно?

— Да.

Несколько секунд она молчала. Потом продолжила уже спокойнее:

— Системы обесточены. Однако часть хранилищ данных, вероятно, сохранилась.

Олег нахмурился.

— И что?

— Мне нужен доступ к серверам.

Он обвёл взглядом огромный зал.

— Ну так подключайся.

Пауза.

— Нет питания.

Олег некоторое время молчал. Потом задумчиво почесал подбородок.

— И что предлагаешь?

На этот раз ответ последовал сразу:

— Демонтировать серверные хранилища и перевезти их на корвет.

Он медленно повернулся к ближайшим стойкам.

— Ты серьёзно?

— Да.

Олег некоторое время разглядывал бесконечные ряды серверов.

Потом тихо присвистнул.

— И куда я это всё запишаю? У меня корвет двадцать метров длиной, а не грузовой транспорт.

— Полная транспортировка комплекса невозможна.

— Ну спасибо.

Но Ила уже продолжала:

— Однако можно извлечь ключевые хранилища данных и образцы технологий.

На внутреннем дисплее скафандра почти сразу начали подсвечиваться отдельные серверные секции.

— Приоритет имеют:

— архивы,

— базы данных,

— инженерные хранилища,

— научные комплексы,

— системы управления инфраструктурой.

Олег некоторое время молча смотрел на подсвеченные стойки.

Потом всё-таки медленно кивнул.

— Ладно...

Он ещё раз обвёл взглядом огромный подземный зал.

— Тогда начинаем разбирать.

Инженерные дроиды почти сразу ожили. Манипуляторы

начали вскрывать серверные секции, аккуратно отсоединяя тяжёлые блоки хранения данных. Маленькие диверсионные дроиды тем временем продолжали ползать по кабельным каналам, всё глубже уходя внутрь старой сети бункера.

А Олег вдруг поймал себя на странной мысли.

Они прилетели сюда искать следы выживших.

А нашли пока что только память мёртвого мира.

(Только с Олегом стоят 2 бастиона и 2 жала, а не эти хз вообще кто!)

Глава 5. Для тех, кто найдет...

Пока Ила разбиралась с хранилищами данных подземного комплекса, Олег неожиданно понял, что впервые за последние годы у него действительно появилось свободное время. Раз уж он всё равно прилетел на Землю — пусть и такую странную, мёртвую и замороженную, — отпуск пропадать не должен.

Первым делом он полетел в Альпы. Когда корвет вышел из облаков над заснеженными горами, Олег несколько секунд просто молча сидел в кресле пилота, глядя на бесконечные белые хребты. Солнца почти не было видно сквозь плотную ледяную дымку атмосферы, но даже этого тусклого света хватало, чтобы снег местами ослепительно сиял. Он посадил корвет на относительно ровной площадке между склонами, выгрузил снаряжение и некоторое время просто стоял на снегу, глубоко вдыхая морозный воздух. Настоящий. Холодный. Земной. После нескольких лет внутри металлических коридоров «Арбитра» это ощущалось почти нереально.

Потом были лыжи. Настоящие. Напечатанные на принтере «Арбитра» по старым земным воспоминаниям. Олег несколько раз спокойно спустился по склонам, потом долго просто ходил по снегу, слушая тишину замёрзшего мира. Людей не было. Следов жизни — тоже. Только снег, лёд, горы и ветер. Шашлык пожарить не получилось. Очень быст-

ро выяснилось, что пищевой синтезатор способен воспроизводить только то, что присутствовало в памяти достаточно подробно, а вот сырое мясо в воспоминаниях Олега отсутствовало. Вместо нормального шашлыка пришлось довольствоваться готовыми кусками мяса из синтезатора. Тогда он долго ворчал возле переносного обогревателя у корвета, что шашлык без самого процесса — это уже не шашлык вовсе. Ила в ответ спокойно сообщила, что воспоминания о запахе дыма, углях и самом процессе приготовления успешно зафиксированы отдельно. После чего Олег только тяжело вздохнул и пробормотал, что хоть где-то прогресс.

Следом он попытался устроить зимнюю рыбалку. Корвет опустилсЯ возле огромного промёрзшего озера, Олег честно просверлил лёд, разложил снасти, уселся на складной стул и почти час просидел над лункой. Ничего. Ни движения. Ни поклёвки. Только чёрная неподвижная вода под толстым слоем льда. В какой-то момент он медленно поднял взгляд на заснеженный горизонт и тихо произнёс, что рыба, наверное, вся сдохла. Позже Ила подтвердила его догадку: после глобального обледенения большая часть водоёмов действительно погибла от длительного кислородного голодания.

После этого Олег уже просто летал. Смотрел на Землю. На ледяные океаны. На пустые равнины. Иногда он пытался представить, как всё это выглядело раньше. Так прошло несколько дней.

А потом однажды вечером, когда корвет спокойно летел

над бесконечной снежной равниной где-то в районе бывшей Восточной Европы, в рубке неожиданно прозвучал голос Илы.

— Олег.

Он сразу поднял голову.

— Ну?

Пауза длилась всего секунду.

— Я закончила анализ хранилищ данных.

Олег несколько секунд молча смотрел перед собой, а потом очень медленно выпрямился в кресле.

— И?

На этот раз Ила ответила заметно тише обычного.

— Нам нужно поговорить.

История человечества не закончилась вместе со смертью Олега.

После его смерти мир продержался ещё примерно шестьдесят лет. Достаточно долго, чтобы люди успели окончательно возненавидеть друг друга. Напряжение между странами росло постепенно. Медленно. Почти привычно. Новые конфликты. Экономические кризисы. Военные блоки. Гонка вооружений. Очередные санкции. Очередные угрозы. Очередные разговоры о том, что «никто не нажмёт кнопку первым». При этом все прекрасно понимали: война неизбежна. И поэтому к ней готовились.

Строились бункеры. Подземные города. Резервные хранилища. Автономные энергетические комплексы. Закрытые

научные центры. Огромные запасы продовольствия и оборудования. Самые богатые страны Земли медленно уходили под землю ещё задолго до начала войны. Официально — для гражданской защиты. Неофициально — потому что никто уже не верил, что человечество способно остановиться.

А потом всё-таки началось.

Архивы не содержали полного описания самой войны. Только фрагменты. Обрывки сообщений. Последние видеозаписи. Перегруженные системы слежения. Но даже этого хватало, чтобы понять масштаб произошедшего. Такое ощущение, что в той войне человечество израсходовало вообще весь накопленный ядерный потенциал планеты. Удары шли волнами. Город за городом. Континент за континентом. Атмосфера быстро превратилась в сплошной слой пепла, пыли и радиоактивных выбросов.

Очень малая часть населения успела укрыться в подземных комплексах.

По сути от человечества осталось всего несколько десятков тысяч человек. Политики. Богачи. Учёные. Инженеры. Архитекторы. Военные специалисты. Те, кого заранее признали наиболее ценными для выживания цивилизации. Остальные просто исчезли вместе с поверхностью Земли.

Но даже это оказалось не концом.

После войны пришла ядерная зима.

Пятнадцать лет Земля медленно умирала под слоем пепла и вечной темноты. Температура падала всё ниже. Оке-

аны покрывались льдом. Урожаи исчезли полностью. Даже внутри бункеров ситуация постепенно становилась критической. Лишь спустя пятнадцать лет атмосфера начала медленно очищаться.

А потом выяснилось, что человечество сумело сделать ещё хуже.

Озоновый слой оказался разрушен настолько сильно, что после окончания ядерной зимы планета начала стремительно перегреваться. Температура росла постепенно, но расчёты показывали неизбежный итог: через несколько столетий Земля станет непригодной для жизни уже из-за жары.

Тогда остатки человечества попытались исправить ситуацию.

Была запущена программа восстановления атмосферы. В верхние слои начали массово выбрасывать специальные аэрозоли для стабилизации климата и восстановления озонового слоя. Первые результаты оказались обнадеживающими.

А потом система вышла из-под контроля.

Аэрозоли сработали слишком хорошо.

Планета начала стремительно остывать.

Теперь Земля уже не перегревалась. Она замерзала.

Температура снова падала год за годом. И довольно быстро стало понятно, что поверхность планеты превратится в сплошной ледяной мир, где жизнь снова окажется невозможной.

Именно тогда человечество окончательно отказалось от идеи спасти Землю.

Все оставшиеся ресурсы были переброшены на другую программу — исследования гиперпространства.

Последние научные центры Земли работали практически круглосуточно. Создавались первые прототипы гипердвигателей. Первые экспериментальные корабли уходили в соседние системы в поисках пригодных для жизни миров. Большинство возвращалось ни с чем.

А потом одна из экспедиций обнаружила червоточину. Она выводила на другой конец галактики. Именно там человечество впервые нашло пригодную планету. После этого решение приняли окончательно. Начался Исход.

На орбите Земли, всем миром, построили полноценную орбитальную верфь. Началось производство колониальных кораблей. Всё ещё немногочисленное человечество постепенно покидало умирающую планету. Архивы содержали тысячи записей того периода. Последние рейсы. Последние эвакуации. Последние сообщения с Земли.

Последняя дата в архивах была помечена примерно более чем десятью тысячами лет назад.

После этого история Земли обрывалась.

Но архив не заканчивался.

Вторая часть хранилища содержала всё, что человечество успело накопить к моменту Исхода.

Научные открытия.

Технологии.

Медицинские базы.

Инженерные архивы.

Историю.

Культуру.

Языки.

Производственные схемы.

Военные разработки.

Практически всё наследие человеческой цивилизации. И в самом конце архива находился короткий текст. Всего одна строка.

«Если мы не вернемся — это для тех, кто найдет.»

После рассказа Илы в рубке корвета надолго повисла тишина.

Олег сидел неподвижно, глядя куда-то мимо обзорных экранов. За стеклом медленно проплывали бесконечные ледяные облака Земли, но он их почти не видел. Мысли были слишком далеко. Странное ощущение тяжёлым камнем лежало где-то внутри груди. Он слишком хорошо понимал, о чём сейчас говорил архив. Понимал даже не разумом. Памятью.

За свою жизнь он уже видел, как люди умеют ненавидеть друг друга. Видел, как войны начинаются с разговоров о справедливости, безопасности и необходимости «защитить своих». Видел, как всё это постепенно превращается в кровь, руины и миллионы мёртвых людей. И всё равно где-то глубоко-

ко внутри всегда оставалась надежда, что человечество всё-таки научится. Что в следующий раз до такого уже не дойдёт. Что люди запомнят цену.

Не запомнили.

Снова накопили оружие. Снова начали делить мир. Снова убеждали себя, что контролируют ситуацию. А потом просто нажали кнопку.

Олег медленно провёл ладонью по лицу и ещё раз посмотрел на замёрзшую Землю за обзорным стеклом. Когда-то за этот мир воевали. Когда-то умирали ради того, чтобы над этой землей снова было мирное небо. И всё равно в итоге человечеству пришлось бежать отсюда, поджав хвост. Бросить собственную планету. Собственную колыбель. Собственную историю.

От этой мысли внутри становилось особенно мерзко.

Не потому что человечество погибло. Нет. Оно как раз выжило. Даже после ядерной войны. Даже после зимы. Даже после климатической катастрофы. Люди всё равно продолжали бороться. Строили бункеры. Создавали технологии. Искали выход. Летели к звёздам. Человечество оказалось удивительно живучей тварью.

Но именно это почему-то делало всё ещё тяжелее.

Потому что даже после всего пережитого люди всё равно сначала уничтожили собственный мир.

Олег некоторое время молча сидел в кресле. Потом тяжело выдохнул и тихо пробормотал:

— Не живётся человеку спокойно... Ну что ж... — тихо произнёс он. — Получается, тогда можно улетать.

Несколько секунд Ила молчала.

Потом неожиданно спокойно ответила:

— Не совсем.

Олег поднял взгляд.

— В смысле?

Пауза длилась недолго.

— Мне нужны образцы земного вооружения.

Он удивлённо нахмурился.

— Чего?

— Баллистического вооружения. Оружия человечества.

Олег некоторое время просто смотрел перед собой, пытаясь понять, к чему вообще идёт разговор. Потом тихо хмыкнул.

— А мы тут что-нибудь найдем?

— Есть вариант.

Олег не выдержал и тихо усмехнулся.

— Всё-таки зацепило?

— Нужны эксперименты что-бы делать выводы.

Он только покачал головой.

— Ну ладно. И что делать будем? Где ты собралась искать оружие спустя десять тысяч лет?

На этот раз Ила ответила не сразу.

— После выхода человечества из подземных комплексов большая часть военной инфраструктуры Земли больше не

восстанавливалась.

Олег внимательно слушал.

— Остатки ресурсов были направлены на климатические программы, энергетику, строительство орбитальной верфи и разработку гипердвигателей. Полноценные армии, военные базы и производство оружия прекратили существование.

Он задумчиво кивнул.

— Ну... логично, в принципе.

— Однако существует одно исключение.

Олег прищурился.

— Ну конечно существует.

На обзорной панели вспыхнула старая архивная фотография.

И Олег невольно замер.

На экране стоял линкор.

Огромный.

Серый.

С узнаваемыми башнями главного калибра.

— Да ладно... — тихо выдохнул он.

Ила продолжала уже почти с лёгкой осторожностью в голосе, словно заранее ожидала реакцию:

— После стабилизации ситуации часть исторических объектов Земли была восстановлена как культурное наследие.

Олег всё ещё смотрел на изображение.

— Это же...

— Да. Линкор «Бисмарк».

Несколько секунд в рубке стояла тишина.

Потом Олег всё-таки тихо рассмеялся.

— Нет... ну немцы, конечно, вообще неисправимые.

На архивной записи огромный линкор стоял у причала в море. Абсолютно восстановленный. С идеальной окраской. С полностью сохранённой архитектурой времён Второй мировой войны.

— Была создана точная реплика корабля, — продолжала Ила. — Объект использовался как исторический музей. На нем проводили экскурсии с выходом в море и даже давали залпы для наглядности.

Олег покачал головой, всё ещё разглядывая изображение.

— Даже после конца света всё равно «Бисмарк» построили...

— В архивах присутствует значительный объём информации о высокой культурной значимости данного корабля для части населения Земли.

Он тихо хмыкнул.

— Ага... очень значимой.

Несколько секунд он молча смотрел на изображение линкора.

Потом наконец спросил:

— И где он сейчас?

На обзорной панели почти сразу появилась новая карта.

— Координаты объекта присутствуют в архивах.

Олег прищурился.

— И ты думаешь, он всё ещё там?

Пауза.

— Вероятность сохранения объекта существует.

Он некоторое время молчал, а потом медленно усмехнулся.

— Ну что ж...

Олег откинулся в кресле и ещё раз посмотрел на старый линкор на экране.

— Поехали смотреть на ваш музей.

Когда корвет вышел к точке координат, Олег сначала даже не поверил собственным глазам.

Линкор действительно был там.

Огромный.

Тёмный.

Замёрзший посреди ледяной пустоты.

Удивительно, но за прошедшие десять тысяч лет его почти не погребло под снегом. Лёд сковал корпус толстым панцирем, местами поверх обшивки выросли целые прозрачные гребни замёрзшей влаги, но сам силуэт оставался абсолютно узнаваемым. Башни главного калибра всё ещё смотрели вперёд тяжёлыми двухорудийными блоками. Надстройка. Цитадель. Характерные обводы корпуса. Всё было на месте. Словно линкор не погиб вместе со своей эпохой, а просто замер во времени.

Олег долго молчал.

Корвет медленно облетал корабль по широкой дуге, а он

всё смотрел на огромный замёрзший корпус за обзорными экранами.

Конечно, лично он с «Бисмарком» никогда не сталкивался. Когда линкор потопили англичане, Олег был ещё ребёнком. Но даже спустя десятилетия это имя знали все. «Бисмарк» давно стал не просто кораблём. Он превратился в символ. Символ той эпохи, когда человечество впервые научилось строить настоящих морских чудовищ. Символ военной промышленности Третьего рейха. Символ инженерной мощи, доведённой почти до безумия.

И теперь этот символ стоял перед ним снова.

Только уже не посреди океана.

А на замёрзшей мёртвой Земле.

Олег медленно выдохнул и ещё раз провёл взглядом по корпусу линкора.

Даже сейчас «Бисмарк» выглядел тяжёлым. Опасным. Настоящим. Не музейным макетом, а именно боевым кораблём, который будто просто поставили на паузу где-то между эпохами.

На обледеневшей броне ещё местами просматривались остатки старой окраски. Часть внешних конструкций разрушилась от времени, но в целом корабль сохранился удивительно хорошо. И чем дольше Олег смотрел на него, тем сильнее внутри появлялось странное ощущение.

Словно он внезапно столкнулся не просто с историей.

А с собственной памятью.

Потому что где-то там, глубоко внутри, этот линкор всё ещё принадлежал его миру.

Миру, который уже давно исчез.

Принцип работы с замёрзшими объектами уже был отработан.

После истории с бункером и раскопками подземного комплекса Олег прекрасно понимал, как именно действовать. Корвет завис рядом с линкором, инженерные дроиды начали свою работу, а лазерные турели медленно принялись прорезать лёд вокруг верхних секций корпуса.

Работы оказалось действительно не так много, как ожидалось сначала.

Большая часть «Бисмарка» всё ещё находилась над поверхностью ледяного панциря. Нужно было лишь освободи-

дить отдельные участки палубы, добраться до внутренних отсеков и получить доступ к артиллерийским секциям.

Пока инженерные дроиды аккуратно вырезали огромные глыбы льда и сбрасывали их в сторону, Ила уже полностью ушла в исследование корабля.

Она сканировала буквально всё.

Металл корпуса.

Орудийные башни.

Механизмы подачи боеприпасов.

Системы стабилизации.

Сплавы брони.

Внутренние конструкции.

Иногда Олегу даже казалось, что если бы у Илы была возможность, она бы и сам линкор целиком в корвет затолкала «на всякий случай».

В какой-то момент один из инженерных дроидов добрался до артиллерийского погреба.

Через несколько секунд на внутреннем канале связи раздался голос Илы:

— Олег.

— Ну?

— Обнаружены боеприпасы главного калибра.

Он тяжело вздохнул уже заранее.

— И?

Пауза.

— Необходимо взять минимум один снаряд.

Олег даже глаза прикрыл.

— Ила...

Он медленно повернулся к обзорной панели, где как раз отображался огромный артиллерийский погреб «Бисмарка».

— Ты вообще представляешь размер снаряда линкора?

— Да.

— И куда я его, по-твоему, засуну?

Несколько секунд Ила молчала.

Потом совершенно спокойно ответила:

— В корвет.

Олег медленно провёл ладонью по лицу.

— У меня там уже половина корабля забита твоими железяками.

Он начал загибать пальцы.

— Ретрансляторы, части серверов, образцы брони, образцы металлов, какие-то древние информационные накопители из бункера, инструменты. Четыре абордажных дроида в конце концов!

Олег обречённо махнул рукой.

— Мне скоро реально придётся под медицинскую капсулу всё это пихать.

— Вариант допустим.

Он возмущённо уставился в потолок рубки.

— Да ты издеваешься.

Несколько секунд Ила молчала.

Потом уже заметно мягче произнесла:

— Олег. Мне надо.

Он тяжело вздохнул.

Вот именно из-за таких интонаций спорить с ней становилось всё сложнее. Олег некоторое время молча смотрел на схему погреба боеприпасов. Потом всё-таки обречённо махнул рукой.

— Ладно. Тащите свой снаряд.

И почти сразу недовольно проворчал себе под нос:

— Нормальные женщины шмотки просят, духи там, украшения... А у меня — пушки и линкорные болванки.

На внутреннем канале связи повисла короткая пауза.

А потом Ила совершенно серьёзно ответила:

— Украшения тоже можно поискать.

Олег несколько секунд молчал.

Потом тихо рассмеялся.

— Господи... что ж ты у меня такая...

Глава 6. По ту сторону галактики.

После завершения работ на Земле Олег ещё некоторое время молча сидел в кресле пилота, наблюдая, как замёрзшая планета медленно уменьшается на обзорных экранах. Где-то там, под километрами льда и снега, остались разрушенные города, пустые бункеры, старый «Бисмарк» и вся история человечества, которую он когда-то считал своим домом. Орбитальную верфь он не обнаружил. За это время она наверняка сошла с орбиты и упала на поверхность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.